

Ссылка для цитирования этой статьи:

Магомедов Ш.Б., Габиева К.Р. Понятие и виды преступлений коррупционной направленности в современном российском уголовном праве // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 11. С. 27. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_11/Magomedov.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-11a-31.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Магомедов Шихтимер Биширович

доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедры конституционного и
муниципального права,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Габиева Камилла Раджабовна

магистрант
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу понятия и видов преступлений коррупционной направленности в российском уголовном праве. На основе обобщения доктринальных подходов и анализа действующего законодательства раскрываются соотношение категорий «коррупция», «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности», формулируются ключевые критерии отнесения деяний к рассматриваемой группе. Особое внимание уделяется различным моделям классификации преступлений коррупционной направленности: по объекту посягательства, по особенностям субъекта, по роли корыстного мотива и по связи с осуществлением публичных полномочий. Используются данные о состоянии коррупционной преступности и ее отдельных сегментов, что позволяет показать практическое значение избранных научных подходов. Обосновывается вывод о том, что отсутствие единообразного, законодательно закрепленного определения преступлений коррупционной направленности и их исчерпывающего перечня усиливает фрагментарность правоприменения и затрудняет дифференциацию уголовной ответственности. Предлагается рассматривать преступления коррупционной направленности как межотраслевую, «надгрупповую» категорию, объединяющую различные составы, для

которых коррупционный способ реализации и использование служебного положения выступают системообразующими признаками.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, преступление коррупционной направленности, коррупционная преступность, классификация преступлений, специальный субъект, уголовная ответственность.

Введение

Коррупционная преступность в современной России устойчиво воспринимается как один из ключевых факторов подрыва доверия к государственным институтам, торможения экономического развития и деформации правосознания. Статистический анализ 2016-2018 гг., проведенный Д.А. Ткачёвым и Е.Э. Цибарт, показывает, что количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в этот период оставалось стабильно высоким, при этом наблюдались изменения в их структуре, прежде всего за счет увеличения удельного веса должностных злоупотреблений и фактов взяточничества [9]. Исследования О.Р. Афанасьевой, выполненные на материале транспортной сферы, дополнительно демонстрируют, что коррупционные деяния пронизывают стратегически важные отрасли экономики и создают угрозу не только экономической, но и физической безопасности граждан [10].

Вместе с тем, несмотря на включение борьбы с коррупцией в число приоритетов государственной политики, в уголовном законодательстве сохраняется определенная терминологическая разобщенность. Уголовный кодекс оперирует понятием «коррупционные преступления» лишь косвенно, через специальные правила (например, в контексте конфискации имущества, ограничений для лиц, замещающих государственные должности и др.), а термин «преступления коррупционной направленности» вообще не имеет легального определения и используется преимущественно в подзаконных актах и ведомственных методических рекомендациях. Это порождает ситуацию, при которой законодатель, правоприменитель и научное сообщество фактически имеют дело с одной и той же группой деяний, однако опираются на неодинаковые критерии их выделения и описания.

В такой обстановке особую роль приобретает доктрина. Именно научные исследования пытаются выстроить согласованную систему понятий, позволяющих отделить собственно коррупционные преступления от иных корыстных деяний и определить внутреннюю структуру преступлений коррупционной направленности. В работах В.В. Поповой, Ю.Ю. Малышевой, Р.Г. Тляумбетова, Л.И. Сибгатуллиной, Е.В. Даниловой, Е.А. Киршиной и других

авторов вырабатываются подходы к определению содержания коррупции, коррупционного преступления и критериев «коррупционной направленности» [1], [2], [3], [4], [6], [7].

Цель настоящей статьи заключается в систематизации основных научных позиций о понятии и видах преступлений коррупционной направленности, а также в выявлении того, насколько данные подходы пригодны для практической дифференциации уголовной ответственности. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, раскрыть соотношение базовых категорий коррупционной проблематики, во-вторых, обозначить критерии отнесения конкретных деяний к числу преступлений коррупционной направленности и, в-третьих, проанализировать существующие в литературе классификационные модели.

Исследование и результаты.

Дискуссия о сущности коррупции и связанных с ней преступлений ведется в отечественной науке не один десяток лет и обладает заметным междисциплинарным характером. Л.И. Сибгатуллина, анализируя современное понимание коррупции, справедливо подчеркивает, что это явление выходит далеко за рамки исключительно уголовно-правовой категории: оно включает социальные, политические, экономические и этические измерения, а потому любые юридические определения неизбежно носят компромиссный характер [4].

В.В. Попова, исследуя понятийный ряд «коррупция» – «коррупционные преступления» – «преступления коррупционной направленности», отмечает, что терминологическое разнообразие не является сугубо лингвистической проблемой: от того, какие деяния будут отнесены к преступлениям коррупционной направленности, зависят и статистический учет, и криминологический анализ, и выстраивание системы профилактических и карательных мер [1]. Попова обращает внимание на недопустимость сведения коррупции лишь к взяточничеству: по ее мнению, такая редукция обедняет научное понимание феномена и не позволяет охватить те формы злоупотребления властными полномочиями, которые не сопровождаются прямой передачей материальных благ.

Ю.Ю. Малышева, исходя из анализа норм УК РФ, предлагает рассматривать коррупционное преступление как деяние, в котором незаконное использование служебного положения служит способом извлечения неправомерной выгоды и одновременно подрывает нормальное функционирование публичной власти [2]. При этом «коррупционная направленность» выступает обобщающей характеристикой группы составов, сосредоточенных прежде всего в главах, посвященных преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также в ряде норм о преступлениях в экономической сфере.

Р.Г. Тляумбетов и А.Р. Хамадьярова, опираясь на легальное определение коррупции и анализируя различные доктринальные позиции, предлагают рассматривать коррупцию как совокупность злоупотреблений властью и служебным положением, совершаемых в корыстных или иных личных интересах, а коррупционные преступления — как уголовно наказуемые формы такой деятельности [3]. Авторы подчеркивают, что не всякое корыстное преступление является коррупционным, а лишь то, в котором обязательным элементом выступает использование полномочий, связанных с осуществлением публичных или квазипубличных функций.

С.М. Иншаков, развивая уголовно-правовой аспект исследования коррупции, предлагает отличать собственно коррупционные преступления от преступлений коррупционной направленности. Первые, по его мнению, образуют «ядро» группы и включают взяточничество, злоупотребление полномочиями и ряд родственных составов. Вторые же представляют более широкую категорию, куда относятся деяния, в которых коррупционный способ реализации выступает значимым, но не обязательно основным признаком — например, отдельные преступления в экономической сфере, совершаемые с использованием служебного положения [12].

Таким образом, уже на понятийном уровне формируется иерархия: коррупция как межотраслевое социально-правовое явление; коррупционная преступность как собирательное обозначение совокупности уголовно наказуемых проявлений коррупции; коррупционные преступления как наиболее тесно связанные с коррупцией составы; и, наконец, преступления коррупционной направленности как наиболее широкая группа, в которой коррупционный способ реализации или коррупционный мотив выступают ключевыми системообразующими признаками.

Вопрос о том, какие именно признаки позволяют говорить о «коррупционной направленности» преступления, является центральным для как для доктрины, так и для правоприменения. Необходимость такой дифференциации обусловлена, в частности, задачами формирования специализированной статистики, разработки антикоррупционной политики и определения круга лиц, к которым применяются особые ограничения и запреты.

Большинство исследователей соглашаются, что ключевым признаком преступлений коррупционной направленности является особый статус субъекта. Е.В. Данилова и О.Н. Городнова подчеркивают, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о должностных лицах, государственных и муниципальных служащих, а также лицах, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, обладающих доступом к властным или квазивластным ресурсам [6].

Е.А. Киршина, анализируя перечни преступлений коррупционной направленности, используемые в различных нормативных и ведомственных актах, выделяет еще два устойчивых критерия: использование служебного положения вопреки интересам службы и наличие корыстной или иной личной заинтересованности [7]. Такой подход согласуется и с выводами Р.М. Жирова и его соавторов, рассматривающих современные изменения в уголовном законодательстве, направленные на дифференциацию ответственности за взяточничество и родственные de facto коррупционные деяния [14].

М.А. Темирханов и Т.Х. Джумаев, обобщая практику применения норм о преступлениях коррупционной направленности, обращают внимание на то, что в реальных уголовных делах решающим для признания деяния коррупционным часто становится именно установление использования должностного положения как способа извлечения незаконной выгоды — будь то получение взятки, необоснованное предоставление преимуществ, «торговля влиянием» или иные формы злоупотребления [13].

Сводя доктринальные подходы, можно предложить следующую совокупность критериев, по которым деяние обладает коррупционной направленностью:

Наличие специального субъекта – лица, облеченного публичными полномочиями либо выполняющего управленческие функции в организации, чья деятельность связана с удовлетворением публично значимых интересов [6], [7], [8].

Использование служебного положения (полномочий, статуса) вопреки интересам службы либо в нарушение установленного порядка осуществления соответствующих функций [3], [7], [12], [13].

Корыстный или иной личный мотив, выражающийся в стремлении получить имущественную или иную выгоду для себя, своих близких или третьих лиц, либо предоставить такую выгоду другим [5], [6], [7], [11].

Причинение ущерба охраняемым законом интересам публичной власти, подрыв авторитета государственных институтов, деформация нормального функционирования органов власти или управления [5], [9], [10].

Несмотря на кажущуюся очевидность перечисленных критериев, их сочетание по-разному реализуется в конкретных составах. Так, при злоупотреблении должностными полномочиями общественная опасность связана прежде всего с нарушением интересов службы, тогда как при коммерческом подкупе более ярко проявляется экономический компонент. Это еще раз подтверждает мысль С.М. Иншакова о том, что «коррупционная направленность» выступает надкатегорией, объединяющей целый ряд различных по своей юридической природе деяний [12].

Проблема классификации преступлений коррупционной направленности в литературе решается по-разному. Уже упомянутые Е.В. Данилова и О.Н. Городнова, исходя из анализа норм УК РФ и международных антикоррупционных обязательств России, предлагают делить коррупционные преступления на две крупные группы: связанные преимущественно с нарушением функционирования публичной власти и связанные преимущественно с нарушением экономических интересов, при том что в обеих группах обязательным является использование определенного статуса субъекта [6].

Е.А. Киршина, в свою очередь, выстраивает более детализированную модель классификации преступлений коррупционной направленности. В ее концепции центральное место занимает объект посягательства, позволяющий выделять: 1) посягательства на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления (взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями и др.); 2) преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые с использованием властного или управленческого ресурса; 3) посягательства на интересы правосудия, где коррупционный элемент проявляется в вмешательстве в деятельность суда и правоохранительных органов [7].

Е.В. Фролова, анализируя уголовно-правовые особенности коррупционных преступлений, обращает внимание на их особую мотивационную структуру и двойной объект: с одной стороны, это отношения в сфере государственной власти и управления, с другой — имущественные интересы граждан, организаций и самого государства [5]. Такой подход позволяет объяснить, почему в законодательстве наблюдается тенденция к усилению ответственности именно за те деяния, где указанная «двойственность» проявляется наиболее ярко, — прежде всего за взяточничество, коммерческий подкуп и злоупотребление должностными полномочиями.

Интересен и подход А.А. Аргузова, который предлагает рассматривать должностные преступления в таможенных органах как специфическую разновидность преступлений коррупционной направленности. Ученый исходит из того, что в данной сфере особенно выражены как публичный характер полномочий, так и соблазн извлечения неправомерной выгоды от контроля над потоками товаров и денежных средств [8]. В результате автор обосновывает тезис о том, что коррупционная направленность может служить дополнительным критерием внутри самой группы должностных преступлений, выделяя их коррупционный сегмент.

Систематизируя указанные позиции, представляется возможным предложить многоуровневую классификацию преступлений коррупционной направленности:

- по объекту посягательства – на преступления против интересов государственной власти и службы; против интересов правосудия; в сфере экономической деятельности; в иных сферах, где реализуются публично значимые функции (образование, здравоохранение и др.);
- по степени выраженности коррупционного элемента – на «ядро» коррупционных преступлений (взяточничество, злоупотребление полномочиями и т.п.) и «периферию», где коррупционный способ реализации выступает квалифицирующим или факультативным признаком;
- по сфере деятельности субъекта – на преступления, совершаемые государственными и муниципальными служащими; лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях; работниками правоохранительных органов; должностными лицами специализированных сфер (таможня, транспорт, налоговые органы и др.) [6], [7], [8], [10].

Такая классификация, разумеется, не претендует на исчерпывающий характер, однако позволяет выстроить более гибкую систему понимания преступлений коррупционной направленности и использовать ее как при построении научной картины коррупционной преступности, так и при разработке специальных мер противодействия.

Коррупционная направленность преступлений проявляется в различных сферах и на разных уровнях публичной власти. Д.А. Ткачѐв и Е.Э. Цибарт, анализируя статистику, отмечают, что значительная доля выявленных преступлений коррупционной направленности приходится на представителей органов внутренних дел, органов местного самоуправления и системы образования [9]. Высокая латентность таких деяний обусловлена сочетанием устойчивых коррупционных практик, узости служебных коллективов и зависимого положения потенциальных потерпевших.

О.Р. Афанасьева, исследуя состояние преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта, делает важный вывод о том, что здесь коррупция «врастает» в повседневные технологические процессы: незаконная выдача разрешений, игнорирование контрольных процедур, умышленное создание «узких мест» для последующей их монетизации [10]. Указанные практики не только наносят прямой имущественный ущерб государству и перевозчикам, но и создают условия для транспортных происшествий и иных чрезвычайных ситуаций, что существенно повышает общественную опасность соответствующих преступлений.

Особого внимания заслуживают должностные преступления в органах таможни, налоговых органах и иных ведомствах, осуществляющих контрольные и надзорные функции. А.А. Аргузов показывает, что именно в этих сферах наиболее ярко проявляется связь между

коррупционным поведением должностного лица и теневыми экономическими процессами, что позволяет рассматривать такие деяния как «узловые точки» взаимодействия коррупционной и экономической преступности [8].

С этой точки зрения особую значимость приобретают исследования, посвященные не только структуре и динамике коррупционной преступности, но и анализу ее «индекса» как комплексного показателя. Хотя детально концепция «индекса коррупционных преступлений» разработана в отдельных работах, уже сами попытки количественного выражения уровня коррупционной направленности преступности свидетельствуют о стремлении соединить доктринальные критерии с практикой статистического учета [15].

Таким образом, конкретные виды преступлений коррупционной направленности не существуют изолированно: они образуют сложную систему взаимосвязей между различными уровнями публичной власти, сегментами экономики и социальными практиками, в которых коррупция выступает своеобразным «смазочным материалом» нелегальных отношений.

Усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в последние годы стало устойчивой тенденцией развития российского законодательства. Е.С. Крылова, анализируя изменения, затронувшие, в частности, нормы о мелком взяточничестве, посредничестве во взяточничестве и коммерческом подкупе, отмечает, что законодатель стремится одновременно расширить круг коррупционных деяний и ужесточить последствия их совершения, что чревато усложнением системы санкций и не всегда приводит к повышению эффективности правоприменения [11].

Р.М. Жиров и его соавторы, исследуя проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за преступления коррупционной направленности, подчеркивают, что фрагментарное внесение изменений в отдельные статьи не сопровождается выработкой единой концепции коррупционной преступности. В результате одни составы избыточно криминализированы, другие — остаются недостаточно определенными, а критерии отнесения деяния к преступлениям коррупционной направленности по-прежнему расплывчаты [14].

Е.В. Фролова обращает внимание на еще одну важную проблему: многие нормы, направленные против коррупции, фактически дублируют или пересекаются с общими составами преступлений против собственности и порядка управления, что создает трудности при квалификации, особенно в ситуациях, когда злоупотребление служебным положением сочетается с мошенничеством, злоупотреблением доверием или иной формой хищения [5].

В этом контексте доктринальные попытки уточнить понятие преступлений коррупционной направленности и их внутреннюю классификацию приобретают прикладной характер. Если на уровне закона удастся закрепить минимально необходимый набор

критериев (специальный субъект, использование служебного положения, корыстный мотив, ущерб публичным интересам) и выстроить вокруг них единую систему составов, то дифференциация ответственности станет более прозрачной. И напротив, сохранение терминологической неопределенности — когда одни ведомственные перечни включают десятки статей УК, а другие ограничиваются лишь классическими формами взяточничества — неизбежно ведет к разнородности судебной практики и затрудняет оценку реальных масштабов коррупционной преступности [6], [7], [11], [14].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, в российской правовой доктрине сложилось понимание коррупции как сложного междисциплинарного феномена, в котором переплетаются социальные, политические и юридические компоненты. Коррупционные преступления рассматриваются как уголовно-правовое ядро этого феномена, а преступления коррупционной направленности — как более широкая группа деяний, объединяемых по признакам специального субъекта, использования служебного положения и корыстной или иной личной заинтересованности.

Во-вторых, существующие в литературе классификации преступлений коррупционной направленности демонстрируют стремление уйти от узкого понимания коррупции как исключительно взяточничества. Предлагаемые модели (по объекту посягательства, сфере деятельности субъекта, степени выраженности коррупционного элемента и др.) позволяют увидеть внутреннюю неоднородность данной группы и связать ее с конкретными секторами публичной власти и экономики.

В-третьих, эмпирические исследования подтверждают высокую социальную опасность преступлений коррупционной направленности: они сопровождаются значительным имущественным ущербом, подрывают доверие к государству и деформируют правовые и управленческие механизмы в ключевых сферах — от транспорта и таможни до образования и здравоохранения.

Наконец, в-четвертых, усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления, происходящее в последние годы, пока не сопровождалось выработкой единой концепции преступлений коррупционной направленности на уровне закона. В этих условиях именно доктринальные разработки создают основу для возможной кодификации критериев и классификаций, способных придать системе противодействия коррупционной преступности большую целостность.

Представляется, что дальнейшее развитие регулирования в рассматриваемой сфере должно опираться на закрепление в уголовном законе базового определения преступлений коррупционной направленности и их структурного деления на «ядро» и «периферию». Такое решение позволило бы согласовать доктринальные подходы, ведомственные перечни и статистический учет, создав тем самым более прозрачную и предсказуемую систему дифференциации уголовной ответственности за коррупционные деяния.

Список литературы

1. Попова В.В. К вопросу о понятиях «коррупция» и «преступления коррупционной направленности» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 52-56.
2. Малышева Ю.Ю. Понятие коррупционного преступления по уголовному законодательству современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8, № 36(177). С. 68-71.
3. Тляумбетов Р.Г., Хамадьярова А.Р. Понятие коррупции и виды коррупционных преступлений // European Science. 2016. № 12(22). С. 57-61.
4. Сибгатуллина Л.И. Современное понимание коррупции: особенности междисциплинарного подхода // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 77-80.
5. Фролова Е.В. Уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3-2(38). С. 236-238.
6. Данилова Е.В., Городнова О.Н. Понятие и классификация коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3(45). С. 105-107.
7. Киршина Е.А. Классификация преступлений коррупционной направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35). С. 152-157.
8. Аргузов А.А. Должностные преступления как вид преступлений коррупционной направленности // Отечественная юриспруденция. 2015. № 2(2). С. 37-41.
9. Ткачев Д.А., Цибарт Е.Э. Преступления коррупционной направленности в статистике современной России // Символ науки: международный научный журнал. 2019. № 3. С. 54-56.
10. Афанасьева О.Р., Шиян В.И. Состояние преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). С. 37-44.
11. Крылова Е.С. Усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности: обзор и комментарии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2, № 4. С. 58-64.

12. Иншаков С.М., Казакова В.А. Уголовно-правовые аспекты исследования коррупции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 1(830). С. 236-245.
13. Темирханов М.А., Джумаев. Преступления коррупционной направленности // Аграрное и земельное право. 2023. № 2(218). С. 151-153.
14. Жиров Р.М., Жугов А.А., Камбачоков А.А. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за преступления коррупционной направленности // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 142-145.

THE CONCEPT AND TYPES OF CORRUPTION-RELATED CRIMES IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Magomedov Shikhtimer Bishirovich

Doctor of Law,
Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Gabibova Kamilla Radzhabovna

Master's Student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
Independent Researcher

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the concept and types of corruption-related crimes in Russian criminal law. Based on a generalization of doctrinal approaches and an analysis of current legislation, the correlation of the categories «corruption», «corruption crimes» and «corruption-related crimes» is revealed, and key criteria for attributing acts to the group under consideration are formulated. Special attention is paid to various models of classification of corruption-related crimes: according to the object of the encroachment, according to the characteristics of the subject, according to the role of a selfish motive and in connection with the exercise of public authority. Data on the state of corruption crime and its individual segments are used, which makes it possible to show the practical significance of selected scientific approaches. The author substantiates the conclusion that the lack of a uniform, legally fixed definition of corruption-related crimes and their exhaustive list increases the fragmentation of law enforcement and makes it difficult to differentiate criminal liability. It is proposed to consider corruption-related crimes as an intersectoral, «supranational» category that unites various groups for which the corrupt method of implementation and the use of official position are system-forming features.

Key words: corruption, corruption crime, corruption-related crime, corruption crime, classification of crimes, special entity, criminal liability.

References

1. Попова V.V. On the issue of the concepts of «corruption» and «corruption-related crimes» // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 3. P. 52-56.

2. Malysheva Yu.Y. The concept of a corruption crime under the criminal legislation of modern Russia // National interests: priorities and security. 2012. Vol. 8, № 36(177). P. 68-71.
3. Tlyambetov R.G., Khamadyarova A.R. The concept of corruption and types of corruption crimes // European Science. 2016. № 12(22). P. 57-61.
4. Sibgatullina L.I. Modern understanding of corruption: features of an interdisciplinary approach // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2019. № 2. P. 77-80.
5. Frolova E.V. Criminal law analysis of corruption crimes // Bulletin of Ugra State University. 2015. № S3-2(38). P. 236-238.
6. Danilova E.V., Gorodnova O.N. The concept and classification of corruption crimes // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2021. № 3(45). P. 105-107.
7. Kirshina E.A. Classification of corruption-related crimes // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3(35). P. 152-157.
8. Arguzov A.A. Official offenses as a type of corruption-related crimes // Russian jurisprudence. 2015. № 2(2). P. 37-41.
9. Tkachev D.A., Tsibart E.E. Crimes of corruption in the statistics of modern Russia // Symbol of Science: international scientific journal. 2019. № 3. P. 54-56.
10. Afanasyeva O.R., Shiyan V.I. The state of corruption-related crimes at transport facilities // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2018. № 3(52). P. 37-44.
11. Krylova E.S. Strengthening criminal liability for corruption-related crimes: review and comments // Academic Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Vol. 2, № 4. P. 58-64.
12. Inshakov S.M., Kazakova V.A. Criminal and legal aspects of corruption research // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2019. № 1(830). P. 236-245.
13. Temirkhanov M.A., Dzhumayev. Crimes of corruption // Agrarian and land law. 2023. № 2(218). P. 151-153.
14. Zhirov R.M., Zhugov A.A., Kambachokov A.A. Problems of criminal law regulation of responsibility for corruption-related crimes // Civil service and personnel. 2021. № 1. P. 142-145.